

Муравейник

Детский

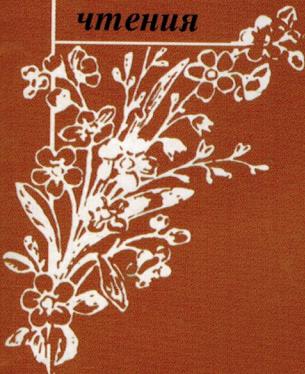
журнал

о природе

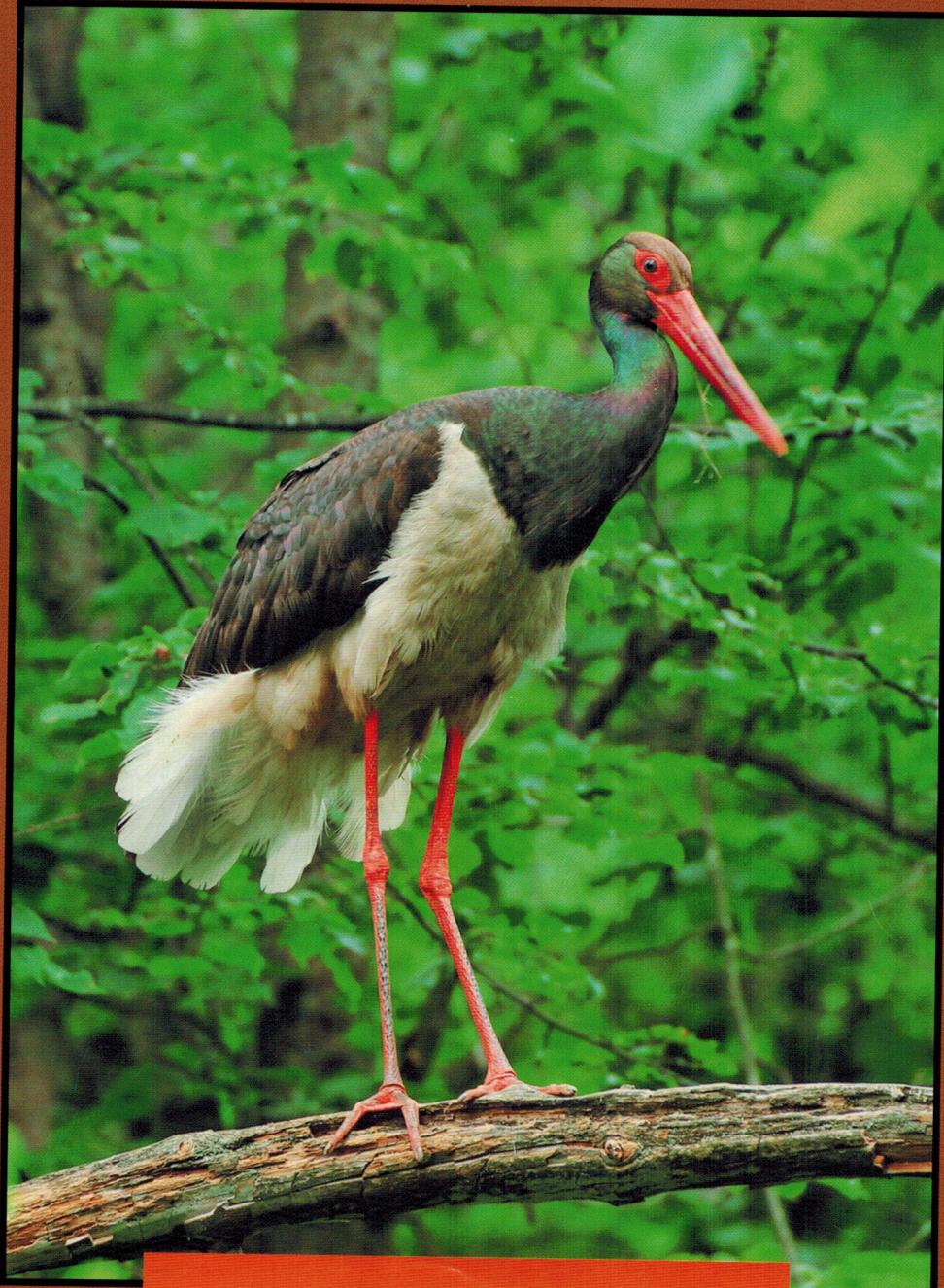
для

семейного

чтения

2015

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Николай РУБЦОВ

Татьяне Антоновне Московченко — с благодарностью
за помощь в изгнание этого фотографа 8.06.2015 г.

Его любили ученики...

Вот уже пятнадцать лет, с февраля 2000 года, с трепетом в душе, в меру сил и способностей непрерывно веду я свою Соколово-Микитовскую тропу (по спасению его родного дома в глухом углу Смоленщины, по поиску точного места рождения и установке памятного знака в уро-чище Осеки под Калугой, по сохранению памяти о пребывании Ивана Соколова-Микитова и Виталия Бианки в 1930-е и в военное лихолетье на Новгородчине; при этом опубликовал немало очерков и статей о жизни и творчестве любимого писателя), но всё же оставалась одна не до конца прояснённая страница... Речь идёт об учительстве Соколова-Микитова в 1918—1919 годах в уездном городе Дорогобуже.

На этом месте была 5-я единая трудовая школа-коммуна I ступени

Я дважды бывал за эти годы в Дорогобуже (первом городе на Днепре, что любят с гордостью отмечать здешние краеведы — великая река начинается недалеко от этих мест), но кратковременное посещение не позволило с ходу закрыть «белое пятно». К тому же, приезжая в третий раз, провёл предварительную подготовку — тут мне помогли директор районного краеведческого музея Татьяна Анатольевна Московченко и библиотекарь городской детской библиотеки Елена Алексеевна Поддорникова.

И, наконец-то, удалось точно установить, где же находилась та самая школа, где с октяб-

бря 1918-го по май 1919 года учительствовал Соколов-Микитов. Ведь долгое время считалось, что это — бывшая гимназия в центре города (нынешняя средняя школа №1, где есть в школьном музее уголок, посвящённый писателю), но всё же, вникнув в суть дела, мы выяснили, что школа эта была на окраине Дорогобужа, у хорошо известного всем леса Гусинец.

К сожалению, её здание не уцелело, было разрушено в годы войны — здесь шли в 1943 году жестокие бои при освобождении города от немецких захватчиков.

Мы поднимаемся с Еленой Поддорниковой на живописный холм, откуда хорошо виден и Дорогобуж, и очень лиричные здесь извины

Днепра. Останавливаемся у едва приметных старых кирпичей — именно тут была школа. И совсем рядом — сохранённый временем и людьми берёзовый лес Гусинец. И невольно представляешь, как выходил с этого приметного холма высокий, стройный, молодой Иван Соколов с весёлой гурьбой ребятишек, направляясь в полюбившийся им лес Гусинец...

Один из этих ребятишек, в будущем агроном Р.Ф. Дюков, вспоминал в 1978 году, что ученики очень любили своего учителя: «Занятия в школе он дополнял походами всем классом в Гусинский лес, где устраивались

разные игры. К разным творческим выдумкам и развлечениям он привлекал самих учеников. Одной из таких «серёзных» игр было строительство детского городка». Что это был за городок, вы прочтете сегодня в очерке И. Соколова-Микитова «Исток-город», а пока скажем, что детей привлекало в учителе и его необыкновенно яркая — уже и к тому времени, к его 26 годам, — насыщенная приключениями, многими историческими событиями, романтическая биография — он успел послужить матросом, повидал многие страны, прошёл фронт — причём, летал на боевые задания (об этом читатели тоже узнают в сегодняшнем номере

Лес Гусинец сегодня в майскую пору

«Муравейника») на самом большом в мире русском бомбардировщике «Илья Муромец V». Вот так: номер могучего воздушного корабля совпал с номером 5-й единой трудовой школы-коммуны I ступени города Дорогобужа, куда устроился на работу Соколов-Микитов.

«Иван Сергеевич любил, когда мы приходили к нему на квартиру, — вспоминает Дюков. — Для нас тоже такие посещения были праздником, потому что он всегда рассказывал интереснейшие истории из его морской жизни, фронтовые эпизоды первой мировой войны. С особым увлечением мы слушали его рассказы о русской нашей природе, о животных. Объездивший полсвета, он всегда подчёркивал, что краше наших лесов и рек в мире нет». Согласитесь, дорогие читатели, что и журнал «Муравейник» убеждает в этом и детей, и взрослых вот уже более двадцати лет!

Кто-то из пытливых читателей, наверное, спросит:

«Без сомнения, молодой писатель оказался очень одарённым и душевным педагогом, но почему же он не продолжил эту, так успешно начатую стезю, ведь он мог стать ещё выше Макаренко с его «Педагогической поэмой?».

Пожалуй, тут лучше всего ответит сам И.С. Соколов-

Микитов. Читаем в его «Воспоминаниях»: «Вернувшись с военной службы на родину, (в д. Кислово того же Дорогобужского уезда — Н.С.) я стал учителем в единой трудовой школе. Всё ломалось, всё рушилось тогда в старой деревне, переживающей нелёгкие переходные времена. Тогда же вышла крошечная книжечка «Исток-город» (всего 12 стр. малого формата, в 1/4 писчего листа — Н.С.), в которой со всей пылкостью я излагал план детской коммуны, высказывал

мысли, искренне меня волновавшие.

Эта маленькая книжечка могла положить начало педагогической карьере, но чувствуя полную свою неподготовленность, я отказался от учительской работы. Вновь потянуло странствовать, снилось море....».

Насчёт «полной неподготовленности» Иван Сергеевич, конечно, явно поскромничал, но что правда, то правда — он очень хотел быть именно — и прежде всего! — писателем.

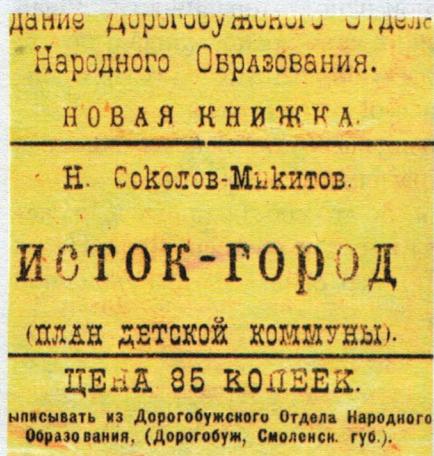
И впереди его ждала всё такая же насыщенная радостными и трагическими событиями жизнь, пришлось пройти, по его собственному выражению, «огни, воды и чугунные повороты». Через полтора года, например, оказался в вынужденной

Вид на Московскую улицу, где квартировал И. Соколов-Микитов; в конце улицы — опушка леса Гусинец. Фото 1917 года

И.С. Соколов-Микитов

Объявление в газете «Известия Дорогобужского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» от 11.12. 1918 года о выходе в свет «Исток-города» (При этом допущена ошибка в названии – не Н., а И., в самой же книжке отпечатано правильно)

эмigration на чужбине, в Англии (см. фото 1920-го — снимка дорогобужского периода в архиве писателя не нашлось). После всяких мытарств в 1922 году вернулся на родину, на Смоленщину, написал свои самые лучшие рассказы о виденном, о пережитом, о прочувствованном...

Когда вы будете читать «Исток-город», обратите, пожалуйста, внимание на один трогательный факт. Собрались дети в школе, и никак у них не получается игра, не ладится и песня, все ждут девочку Масютину. И вот она появляется. Гурьбой кинулись к ней: «Без тебя не выходит!» И сразу всё вышло, всё получилось, «она принесла веселье и лад», — пишет автор. Я вспомнил об этом 30 мая 2014 года, в день рождения И.С. Соколова-Микитова, когда вручал диплом и премию журнала «Муравейник» Дорогобужской городской детской библиотеке, которую возглавляет Наталья Викторовна Масютина. Позже спросил: «Не Ваша прабабушка — та девочка Масютина?» Жаль, что писатель не указал имени, а только одну фамилию, да и почти сто лет прошло, но главное, что род Масютиных устоял, окреп и развелся — и в городе, и в районе Масютиных живёт много, и Наталья Викторовна свой поиск начала...

И в целом, прочтите, пожалуйста, внимательно «Исток-город», который не переиздавался многие и многие годы! Нынче, когда наше школь-

Вручение ежегодной премии журнала «Муравейник» Дорогобужской городской детской библиотеке 30 мая 2014 года (Н.В. Масютина и Н.Н. Старченко)

ное образование просто изуродовано всячими «реформами», педагогический опыт Соколова-Микитова весьма пригодится.

Николай СТАРЧЕНКО
Смоленская область – Москва

Фото Ивана НАЗАРОВА, Дарьи ОРЛОВОЙ

ИСТОК-ГОРОД

план детской коммуны

I. ИЗ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ

Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель.

Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам.

Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель.

Лев Толстой.

Обдумывая своё намерение стать учителем, я особенно соблазнялся мыслью, что придётся иметь дело с детьми, — единственными в наши дни, у кого руки не обагрены кровью, а сердца чисты от вожделений. Я знал, что успех учительского труда заложен в искренности: будьте как дети, — в безкорыстном уменье подойти к маленьким чутким людям, и будучи другом-приятелем, неослабно поддерживать и направлять подъём их творческого духа. Я знал, каким должен быть учитель, но очень неясно представлял, как начинать. Книжки и наставления тут не помога, и я надеялся на другое: я знал, что в основе искренности ле-

жит любовь, справляясь в себе, я находил эту необходимую любовь, и решился. Решившись, положил крепкий зарок: чуть увижу, что негоден — уйти!

Первый же день в училище открыл мне волновавшую меня загадку.

Собрались маленькие. «Играйте, что-же вы!» — говорила им учительница. Девочки стали в круг и тоненькими голосами затянули песню. Мальчики, словно воробы в мороз, нахохлившись, расселись на сдвинутые к доске парты.

Не ладилась песня: то слова забудут, то с мотива соскользнут. «Веселей дети!» — подгоняла учительница, а становилось ещё скуч-

нее. Вдруг волна оживления прокатилась по хороводу. «Масютина. Масютина, пришла!». Гурьбой кинулись на встречу входившей высокой девочке в жёлтой косынке и в белых, с чёрными полосками, чулках. «Без тебя не выходит!» — окружили её. Поклонившись мне, Масютина прошла по хороводу и села на уголке скамьи. «Начинайте!» — уверенно крикнула она и сама подхватила своим детским сопрано:

Жила была царе-евна, царе-евна...

В такт она наклоняла голову и на ея румяных, весёлых щеках вдавливались ямочки. Скуки и разброда как не бывало:

И вот явилась фе-я, фе-я, фе-я!

Точно сама волшебница фея, Масютина ожила сонное царство, принесла веселье и лад. В кругу стояла царевна с синими глазами. К ней подбежала фея:

Спи, царевна, тыщу лет, тыщу лет..

Под протянутыми, махающими в такт песенке, руками, царевна медленно опускается на пол...

И выросла огра-ада, огра-ада...

Дети подняли вверх руки.

И вот пришёл царевич, царевич...

«Мальчика, Мальчика!» — крикнула Масютина. «Мальчика царевичем!» подхватили девочки. Нахохлившиеся воробы прыснули в стороны, точно в них камнем швырнули.

А главное было достигнуто: вместо натянутости и скуки, пришло оживление и подъём, и мальчики, чтобы раздоказать своё, гаркнули под конец «снеги белы» так, что с доски упал мел.

А всему голова Масютина. Я смотрел, как уверенно и ловко руководила она, и чувствовал, что начинаю завидовать её таланту.

В первую нашу прогулку я шёл за детьми и думал:

«Два начала заложены в человеках: дух строительства и дух разрушения. В истории русского народа эти два начала особенно противостоят...»

«Близко время, когда на опустошённой, залитой кровью земле закипит единий труд, и единий клич подымет людей всех стран: — стройте! Опоздавшим и оставшимся в стороне не хватит места!»

«Умеем ли мы, русские, строить? Хватит ли у нас закалки сил, твердости духа и обилия знаний? Кончается разрушительнейшая война, — там судорожно возьмутся строить, строить, строить. Успеем ли мы, пока умевшие лишь разрушать?...»

«Маленькие друзья мои, Федьки, Мишки, Аксютки, бегущие впереди! Знаете ли вы, что это вам предстоит великая доля, — победить или погибнуть. Мы, старшие, отхлебнувшие через меру крови, вряд ли узнаем, что такое мечтаемый Великий Мир!»

«Милые приятели, Федьки, Гришки, Аксютки! Знаю, что ни в ком не сидит такочно дух разрушения, как в вас! Ни вам ли первое удовольствие разорить по весне галочье гнездо, выпотрошить мудрёную заводную игрушку, высадить шибку в чужом окне! Как и отцы ваши, вы страстно любите разрушать, — научитесь ли вы строить?».

— А ну, кто скажет разом, не считая, — сколько на этой площадке деревьев?

— Пятьдесят!.. Тридцать!..
Сорок пять!..

Стол!.. — у большинства ока-
зался глаз верный: пятьдесят!

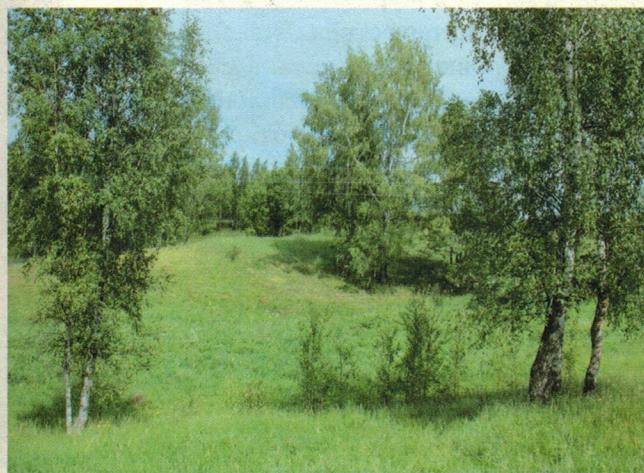
— Ну, а видели, как папоротник цветёт?

Я старался привлечь внимание, и чувство-
вал их скрытое сопротивление. Занимали ребят
больше подножки и беготня.

— А в город хотели играть! — наконец-то
вспомнил один.

Выбрали место: площадка в лесу, окружённая
рвом, внизу ручей — «судоходная река», рядом
дорога — «торговый путь в соседние страны»,
«крепость» — учебный ров, вырытый солдата-
ми, — хорошее для города место!

Став на новую землю, путешественники на-
чинают с исследования и разведки. Так посту-
пили и мы: разбившись на отряды, отправились
в лес, исследовали породы всех растущих дере-
вьев (есть ли из чего строиться? строительные
породы: сосна, ель, дуб, берёза, свойства их и
годность; кустарники, ивовые и ягодные, орех).

И в нынешнем Гусинце можно повторить педагогический опыт И. Соколова-Микетова...

Определили качество и приблизительное коли-
чество земли (чернозём для пахоты, глина для
выделки кирпичей; глазомер). Приблизительно
распределили поля и луга (почему луг должен
быть у реки? какой склон выгоднее для поля?).
Наметили будущие дороги и мосты.

Что прежде всего нужно человеку? (ответ: —
огонь; первая победа человека над природой —
овладение огнём, священный очаг).

Развели огонь (как можно разжечь без

спичек, как нужно разводить
огонь?).

— Без спички, что ли? —
хитро спросил Федька Жуков, на ночлегах из-
ловчившийся в разжигании костров.

Вокруг пылающего костра приступили к об-
суждению (древнее вече, право голоса). По-
няли, что для удобства постройки сперва надо
составить и нарисовать план. Обмерили землю
(приёмы землемерия: землемерная цепь, свя-
занная из поясков; прямая через три вехи; на-
ходчивость).

Нарисовали на дороге план и масштаб, на
плане поместили будущие здания города: сад,
театр, здание коммуны, школа, больница, ка-
ланча, и каждый выбрал себе место для дома.

— Я пожарный!

— Я инженер!

— Я доктор!

— Федьку Жукова протопопом!

Я с радостью чувствовал, что придуманная
мной игра увлекла детей и сам увлёкся. Картина

строющегося города стояла перед глазами.

Возвращались возбуждённые, кричавшие:

— Завтра лопату принесу!.. У меня топор!..
Мост будем строить!..

— А главное-то забыли, — вспомнил я, —
как назовём наш город?

Долго ломали головы, а всё выходило такое,
что уже есть: Харьков, Петербург, Москва...

— Такое, чего нет! — требовал я.

— Ручей называется Исток, пусть и город

будет Исток! — сказала одна девочка.

Так и постановили: Исток — город.

II. ПЛАН

Труд — право на жизнь.

Как люди открывали землю и основывали города?

Выбор места. Где должен стоять город? (у реки, у дороги, на возвышенности). Сметка и глазомер. Определение севера и юга (по коре и сучьям, по солнцу и звёздам, компас). Огонь (значение огня, как первоосновы культуры; умение разводить огонь в сырую и ветреную погоду; кочевые и оседлая жизнь).

Исследование окрестностей. Удобства и недостатки выбранного места. Лес, качества деревьев, возраст и годность. Население лесов: птицы и звери (и кроты в счёте!). Растения (полезные и вредные; как люди открыли картофель и культивировали злаки). Качество и количество удобной земли, луга и поля (луга у реки, поля на южных склонах, защищенные лесом от северных ветров).

Обмер места для огорода. Понятия о геометрии и землемерии. Север и юг. Буссоль. Землемерная цепь и вехи. Копцы. Съёмка местности.

Черчение плана, масштаб.

Распланировка. Дом коммуны (на центральном месте). Сад, театр, школа, (на юг). Крепость. Каланча (на самом высоком месте). Больница (в стороне). Колодец. (почему надо на высоком месте, хотя легче вырыть на низком? ответ: — санитарные условия.) Магазины и базар. Дома и улицы.

Постройка по плану.

Распределение обязанностей: инженеры, плотники, граборы, каменщики, печники, лесорубы, столяры и художники.

Стройка. Умение работать топором, пилой и лопатой. Выбор материала. Заготовка материала. Приёмы вбивания колышей. Изгородь и плетень. Рубка в лапу. Кирпичное производство. Рытьё колодца (попутно геологические и археологические наблюдения, просеивание земли сквозь сито). Постройка моста и знакомство с

учением о сопротивлении материалов. Рытьё крепости. Частокол. Каланча. Украшения.

В построенном городе

Социальное устройство. Коммуна. Принципы социализма. Гражданские обязанности: дисциплина и ответственность, отчётность. Ленивым и тунеядцам места нет!

Промышленность. Ручной труд во всех формах. Маленькие фабрики и заводы. Всё — ничёё и всё — всех. Обмен. Как можно жить без денежных знаков.

Земледелие. Запашка. Культивирование диких растений. Огород. Сад. Многополие. Сельско-хозяйственные орудия. Мелиорация. (Тут, как и в предыдущем отделе, для учителя широкое поле).

Техника. Телефон, телеграф, электричество, железная дорога.

Искусства. Архитектура. Декоративное искусство. Живопись. Театр. Музыка и пение. Лепка. Газета и журнал.

Охота и путешествия. «Экспедиции». Развитие спорта и выносливости. «Открытие новых стран». Основание колоний.

Служба связи со вновь открытymi колониями. Почта. Телеграф (приёмы сигнализации). Дипломатические сношения.

Войско.

Школа и университет.

Зимой игра переносится в класс.

Идея города требует разработки, развития и труда. Я лишь кладу почин.

Знаю, будут и сучки и задоринки.

В первый же день вышло неожиданное происшествие: запалили чай-то «дом».

И тут проявился неистребимый в людях инстинкт порядка и права.

— Суд надо! — сказала мне маленькая девочка, гневно сияя глазами, — надо выбрать судьев. И пожарных надо.

Невозможно не улыбнуться: так серьёзно, так искренно, так вдохновенно.

Иван СОКОЛОВ-МИКИТОВ

ДОСАДНЫЙ ПРОБЕЛ

20 февраля нынешнего года исполнилось ровно сорок лет со дня кончины выдающегося писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова (1892-1975). Я всегда близко к сердцу принимаю все замалчивания – вольные и невольные – его значимости для русской литературы. Вот читаю в №8-2014 года уважаемого мной ещё со студенческих времён журнала «Наш современник» статью Геннадия Красникова «Внимая ужасам войны...» (Первая мировая война в произведениях русских писателей). Надо отдать должное автору, им собран и про-

отрядом. Напечатался у Миролюбова в «Ежем. жур» и кое-где. В шестнадцатом поступил в Эскадру Воздушных кораблей, летал на «Илье Муромце V».

У него в ту пору уже был некоторый опыт писательства при поддержке А. М. Ремизова. И вот в письмах к Ремизову с фронта Соколов пишет: «Я узнал, что в близком тылу хуже, чем в окопах, – люди хуже». И снова про окопы: «Очень уж люди там необыкновенные. Даром, конечно, виденное не пропадает, душа всё впитывает, и тогда, после войны, если силы хватит, буду рассказывать...»

Но вскоре начал рассказывать, не откладывая на «потом».

Я в своей жизни встречал немало русских образованных людей, которые больше знали о первой мировой войне из произведений Э. Хемингуэя и Э.М. Ремарка, а не наших писателей. А ведь санитар, потом моторист самого мощного в мире бомбардировщика «Илья Муромец» Иван Соколов значительно раньше и Хемингуэя, и Ремарка написал свои рассказы – он посыпал их прямо с фронта (почти на крыле самолёта писал, вернувшись с бомбометания!) в газету «Биржевые ведомости», в журнал «Огонёк», в уже упоминавшийся здесь «Ежемесячный журнал». Эти

необыкновенные рассказы, о которых практически ничего не сказано в нашем литературоведении, просто поражают своей художественной зрелостью, умением автора-очевидца в немногих точных словах передать и общую картину, и душевное состояние отдельного человека.

Вот их характерные названия (часто с подзаголовком «От нашего военного корреспондента»): «С носилками», «Здесь и там», «Жуть», «Затишье перед бурей», «Глебушка», «Кукушкины дети», «Впе-

И.С. Соколов на самолёте перед боевым вылетом (справа), 1916 год

анализирован значительный материал, названы имена многих известных и не очень заметных писателей, но не могу не отметить и досадный пробел – даже в перечислительных обширных списках нигде ни разу не упомянут Иван Сергеевич Соколов-Микитов. А это явно, я бы даже сказал, кричаще несправедливо!

Читаем в автобиографии Соколова-Микитова от 1922 года: «В начале войны собрался добровольцем. Весной пятнадцатого поехал на фронт с санитарным

рёд!», «Крылатые слова», «На воздушном корабле», «Шёпот цветов» (все они потом не раз переиздавались в собраниях сочинений писателя). Не удержусь, чтобы не показать, как художественно выразительно описана сцена воздушного боя в рассказе «Крылатые слова»:

«Очередь разрывов вспыхивает так близко, что сквозь шум моторов отчтливо слышно: эк! эк! эк! И все теряют под ногами опору.

Глядят – справа полошет пожар? Нет, пробито крыло, и куски материи разлетаются по ветру.

Левый мотор вдруг уменьшает обороты, темнеет круг винта.

– Смотрите, магнeto!

Лётчик кричит, но за шумом не слышно, показывает рукой.

Механик уже на крыле, пробирается сквозь перебитые тяги, ползёт к останавливающемуся мотору. Хватает готовое сорваться магнeto, прижимает рукой, другой рукой цепляется за стойку и повисает над бездной.

– Есть контакт! – кричит лётчик, и голос пропадает в гуле.

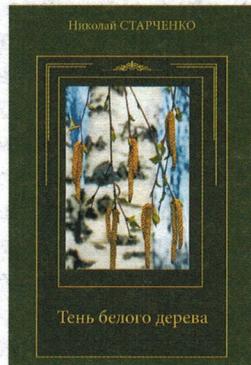
Мотор заработал.»

Безымянный здесь механик, конечно же, не кто иной, как сам Иван Соколов-Микитов, летавший на бомбардировщи-

ке в качестве механика-моториста. А за рассказ «Глебушка», опубликованный в газете «Биржевые ведомости», молодой писатель даже получил нагоняй от военного начальства: как это он, простой унтер-офицер, так фамильярно пишет о своём командире, штабс-капитане, известном авиаторе Глебе Васильевиче Александровиче? Вообще, талантливые рассказы и очерки Ивана Сергеевича Соколова-Микитова о военных буднях первых русских лётчиков и само его имя уже давно должно быть на самом почётном месте в славной истории российской авиации.

И снова с горечью думаешь: все у нас в России из телепередач, фильмов, книг, спектаклей, журналов, газет, да и школьных программ знают о французском писателе-лётчике Антуане де Сент-Экзюпери, а вот про своего русского писателя, первопроходца в военной авиации и самой этой литературной теме (французский писатель летал на военном самолёте уже во время второй мировой войны), у нас, за очень малым исключением, даже и не слышали... Надеюсь, что эта моя реплика-отклик хотя бы в какой-то степени восполнит этот пробел.

Николай СТАРЧЕНКО
г. Москва

«Новая книга Николая Старченко кому-то может показаться неожиданной. Книголюбам писатель давно и хорошо известен, прежде всего, как автор удивительно свежих, как бы росой умытых, рассказов. Просится на язык добавка – расплывчатое определение-ярлычок этой прозы – «о природе». Нет. Вернее будет – о человеке, как неотрывной частичке природы» – так начинает своё предисловие лауреат премии имени А. Т. Твардовского, публицист и литературовед Пётр Привалов к большой книге (464 стр.) Н. Н. Старченко «Тень белого дерева», только что вышедшей в свет. И дальше отмечает, что список произведений, «составляющих эту книгу, густо пестрит моими пометками: «очень верно», «смело и пророчески», «добротный язык», «замечательный пейзаж», «лирический патриотизм», «свежая фактура»...

Книгу составили избранные художественные очерки и публицистические статьи, написанные автором в разные годы (охвачено 40 лет – с 1974-го по 2014-й) его насыщенной творческой жизни. Эти произведения отличают искренность чувства, глубина осмыслиения исторических, духовно-нравственных вопросов и на редкость насыщенное, актуальное звучание для сегодняшнего дня России. Надо сказать также, что «Тень белого дерева» органично дополняет ранее изданный (2007 г.) 2-хтомник Избранного Н. Н. Старченко – это заметно и по оформлению обложки.

Заявки на книгу (350 руб. за 1 экз. + пересылка) принимаются по адресу: 214000 г. Смоленск, Чуриловский пер., д. 19, издательство «Маджента», телефон: 8-4812-38-59-80, электронная почта: m.lena @ bk.ru